

История Павла Лунгина напоминает сказку про Золушку. Никому не известный сценарист вдруг становится известным режиссером. И не где-нибудь, а в сердце Европы — Франции. Вот повезло!

АВЕЛ Семенович, в своих фильмах вы снова и снова обращаетесь к теме столкновения интеллигенции и быдла, почему?

— Это классическая ситуация для России. Где всегда существовало две культуры. Культура интеллигенции и культура массы, с совершенно другими ценностями и уровнем знаний. Они существовали не пересекаясь. Во Франции существует единая монокультура. Ты можешь разговаривать с последним шарманщиком или с президентом республики, они будут говорить одно и то же и теми же словами.

ВЕСЕЛАЯ КУЛЬТУРА ЭМИГРАНТОВ

Когда у нас произносят слово «свобода», что вкладывают в это понятие? Совершенно, может быть, противоположные вещи. Для одних свобода — это какое-то состояние беспредела или веселья. Ужас революции 17-го года и непрекращающийся ужас нашей сегодняшней жизни одиноков. Сейчас вольно снимать фильмы о России, которую мы потеряли. Но нельзя забывать, что великие русские писатели, которых трудно заподозрить в жидомасонстве, были в ужасе от того, в каком мире жили: в мире двух несмыкающихся культур. Все кричат про свободу, про любовь, но оборачивается это ненавистью. Может быть, это страх или действительно освобождение, а может быть, шаг к построению нового, еще более тотализированного общества? Таксист Шлыков из моего «Такси-блюза» — это человек, которого неожиданная демократизация повергла в депрессию и вызвала ужас. А в фильме «Луна-парк» этот же человек уже не смущен, он агрессивен, он влияет на жизнь и строит профашистскую систему. Хомо советикус — человек мучающийся, несчастный. Его внутренний мир сложен, а мы привыкли думать, что он прост. Сейчас я буду снимать фильм о мафии. Про шальные деньги, про неожиданный выход советского человека на Запад с какими-то невероятными деньгами. Это опять разговор о том, кто мы, какие мы и что позволяет нам оставаться людьми в этой страшной круговерти.

— В «Огоньке» была разгромная рецензия на «Луна-парк». Вы пережили или вам все равно?

— Я привык к атмосфере неприятия. Я неизвестно откуда выскочил. Непонятно почему стал известен, причем известен больше на Западе, чем здесь. Поэтому понимаю, что должен вызывать большое раздражение, тем более в нашем иерархизированном мире, когда надо проходить постепенно, по ступеням.

— А откуда вы «выскочили»?

— Черт его знает... Впервые, я из кинематографической семьи, не забывайте, а во-вторых, моя жизнь была похожа на жизнь саксофониста из «Такси-блюза». Я описывал немножко себя, немножко свое поколение. В то время было невозможно работать в официальной культуре. Я делал детские сценарии. Это были не сценарии, а мультяжи, знаете, как колбаса из папье-маше. Сплошная видимость. Были люди, которые систематически боролись с цензурой, они вызывали у меня уважение. «Такси-блюз» — это первый сценарий, который я написал про себя и для себя. Первая поездка во Францию настолько меня встрепенула, что я проснулся и написал. Вся моя история похожа на историю про Золушку. Я был жалкий, запуганный сценарист. А стал знаменитым режиссером.

— Может ли русское кино завоевывать западный кинорынок?

— Должно. Сначала я думал, что экспансия американского массового искусства в Европу — это пустяки, но на самом деле это серьезно. В кинотеатрах Москвы нет ни одного русского фильма. А с какой зубной болью мы выбивали себе 5 дней для «Луна-парка»! То же самое и с «Такси-блюзом». Все хотели посмотреть этот фильм, но увидели намного позже по телевидению. Мы впадаем в состояние белой Африки. А Европа пытается отстоять свою культуру и нашу культуру. Франция вкладывает в нас большие деньги. 6—7 последних самых интересных фильмов сняты на их деньги. Это фильм Киры Муратовой, Дыховичного, Германа Тодоровского и других. Они вкладывают деньги в авторские фильмы и не хотят, чтобы мы превратились в Микки Маусов и делали фильмы серии «В». Есть режиссеры, которые имеют успех в их залах, например, Никита Михалков. Есть понятие моды. К сожалению, мода на русское проходит, они больше не боятся нас, а вместе со страхом пропало любопытство. Для нас самое главное — преодолеть внутренний барьер. Не гордиться своей совковостью, не обличать ее, не продавать. Мы вошли в мир, где у всех одни и те же проблемы: есть счастливые и несчастные, богатые и бедные, любимые и разлюбленные. Как только мы уйдем от клубники, смешанной с клюквой, начнется просто кино.

— У вас своя квартира во Франции?

— Ну, там у всех свои квартиры, никто не живет под мостом. И нет исполкома, который тебе даст жилье. Я снимаю квартиру в китайском районе, это эмигрантский, очень веселый район. Машина у меня «Опель», она слишком большая даже

для меня.

— А вы вошли в элитарный круг Парижа, с кем вы общаетесь?

— Может быть, и вошел. Из-за того, что я говорю свободно по-французски, я часто мелькаю по телевизору, недавно снял документальную картину про русскую колонию в Ницце. В этом фильме я пытался разрешить для себя вопрос: опасна ли демократия для русской души. Эти люди родились в Ницце, никогда не были в России: остались ли они русскими?

— Остались?

— Да. Но они намного спокойнее, нормальнее и добрее, чем наше нуворишское дворянство.

— Как вы думаете, мои дети станут такими?

— Не знаю. Это сложно. Произошли

очень сильные мутации в нашем обществе.

— Вам интересно общаться с молодежью?

— Сейчас происходит процесс отказа молодежи от культуры старшего поколения. Это случается во всем мире. Бунт в Лос-Анджелесе был чисто молодежным. Что сейчас происходит в бывшей ГДР? Кто воюет в Югославии или Абхазии? Все это двадцатилетние ребята. У меня такое ощущение, что они решили: их продали, обманули. Они не верят словам. Когда ко мне привели героев «Луна-парка», я сначала испугался. Представьте: 25 огромных качков. Но потом понял, что это дети, правда, немного страшноватые. В них столько детского, огромное желание привязанности, жажда подружиться. Гигантское количество любопытства и любви.

— Вы избрали гротескную форму в фильме «Луна-парк»...

— Это сказка. Но и от теперешней жизни у меня ощущение нереальности. Это существование бедности и богатства, чуждого праздника. С тех пор, как в России начался голод, ни один обед, у меня такое ощущение, без осетрины не обходится. Нам приходится сейчас решать все вопросы заново: как жить? убивать или не убивать? есть своего папу живьем или подождать пока...

— Когда вы затрагивали национальную проблему в своем фильме, наверно,

вспоминали какие-то свои чувства.

— Я еврей. Но никогда не говорил на идише или иврите. В жизни не был в сионагоге. Мы все чувствуем себя евреями в силу мерцающего подавленного антисемитизма. Если стыдно осознавать себя евреем, нельзя отказываться от себя. Надо постоянно говорить об этом, чтобы снять проблему. Американцы много говорили о чернокожих, показывали фильмы, обсуждали, у них больше нет расовой ненависти.

— У меня осталось какое-то детское чувство страха перед евреями, что они умнее, больше знают, когда-нибудь унижат меня.

— Не будем копаться в проблемах антисемитизма. Россия напоминает великана, который смотрит на мышь и боится, что она его унижит. Это какие-то религиозные, старообрядческие предрассудки. Все эти идеи о заговоре... Кому был выгоден фашизм в Германии или революция в России? Плохо было всем. Еврейский вопрос — это показатель того, что Россия стоит на перепутье, в Европу ей идти или в Азию. Всегда находятся люди, которые говорят: «Это евреи нас тянут в Европу. Они нашу душу русскую хотят, скушать». Смехотворно! Жить надо достойно. Во Франции мне жутко оттого, что я принадлежу стране, где 99 процентов не ели нормально и не отдыхали нормально. Я отношу себя к единой мировой культуре, а прежде всего отношу себя к Богу, а не к профсоюзу, национальности, партии.

— Кто ваши друзья во Франции?

— Я много общаюсь с нашими художниками. У нас богемная компания. На самом деле в Париже самые прелестные люди. Если их поскрести, они оказываются не французами. Какой-то разноплеменный котел, который дает безумно веселую культуру эмигрантов. Настоящая французская жизнь на самом деле очень ритуализирована. Там все знают, что в 8.30 надо сесть за стол, все знают, какой будет подан сыр и что в 11.30 надо встать и извиниться. Мы в России общаемся так, как будто идем в бой. Как будто от этого вечера, от этого общения обязательно что-нибудь изменится и сейчас решится наша жизнь. А они общаются для того, чтобы уйти в том же состоянии, в котором пришли. Культурная программа, конечно, присутствует, но главное — не измениться. Мне это скучно.

Леночка СОРОКИНА.